Въ синодальный періодъ, какъ и прежде, не оскудѣвала Черниговская епархія богоугодными людьми. Не оставлялъ Господь Черниговскую землю Своими милостями и чудотвореніями отъ св. иконъ.

Николаевская церковь въ г. Черниговѣ.

Въ первой половинѣ 19-го столѣтія на улицахъ м. Седнева, Черниговскаго уѣзда, нерѣдко можно было встрѣтить человѣка, который своимъ внѣшнимъ видомъ невольно привлекалъ къ себѣ вниманіе каждаго: худощавый, средняго роста, съ продолговатымъ бритымъ лицомъ, русыми волосами, глубокими, задумчивыми глазами, ходилъ онъ босой или въ цвѣтныхъ сапогахъ, и накинутомъ на плечи кафтанѣ, съ длинной палкой въ рукахъ Это — юродивый Христа ради Гриць, прозванный современниками „золотюсенькимъ". Появился онъ въ Седневѣ мальчикомъ, придя сюда изъ родного села Кучиновки, Городнянскаго уѣзда, съ ни-

щими, у которыхъ состоялъ „поводыремъ". Безотрадно было дѣтство Гриця, оставшагося въ десять лѣтъ круглымъ сиротою; не имѣя опредѣленнаго пріюта; онъ жилъ подаяніемъ добрыхъ людей, ночуя лѣтомъ подъ плетнями, а зимою — у кого придется. Живя такъ, онъ скоро узналъ жизнь со всѣми ея свѣтлыми и темными сторонами. Несомнѣнно, не мало перенесъ онъ обидъ и побоевъ, отъ своихъ грубыхъ сверстниковъ, но самъ никому не сдѣлалъ зла. Только въ минуты особенно сильныхъ душевныхъ страданій становился онъ у забора и бился о него головой. Уже въ эту раннюю пору замѣчались въ Грицѣ странности, которыя давали недальновиднымъ людямъ поводъ считать его за дурачка. Бывало соберетъ Грицъ подаяніемъ нѣсколько денегъ и начнетъ ихъ бросать въ воду, приговаривая: „ѣшьте, карасики, мои копѣечки". Или искусанный собаками, показываетъ свои раны и благодушно говоритъ: „посмотри, — цюцики подѣлали мнѣ кринички, и вода съ нихъ дюже капле". Но уже въ это время замѣчалось въ мальчикѣ теплое религіозное чувство: бывало, увидитъ онъ на землѣ нарисованный крестъ, остановится, положитъ предъ нимъ земной поклонъ и осторожно обойдетъ его.

„Золотюсенькій Грицъ".

Выросъ Грицъ, а мнѣніе о немъ, какъ о дурачкѣ, долго не исчезало. Несомнѣнно, онъ поддерживалъ его своими настранными поступками, внутренній смыслъ которыхъ для большинства былъ непонятенъ. Дадутъ, бывало, Грицю седневскіе помѣщики хорошую одежду, а онъ отдастъ ее какому-нибудь бѣдняку, а самъ нарядится въ одежду изъ разноцвѣтныхъ лоскутковъ и такъ ходитъ. На вопросъ, — зачѣмъ онъ это сдѣлалъ, бывало, отвѣтитъ: „шобъ я бувъ царь лоскутниковъ". Или ходитъ по базару и сбрасываетъ со столовъ евреевъ-торговцевъ деньги. Разсердятся тѣ, поколотятъ Гриця, а онъ со смѣхомъ приговариваетъ: „ахъ, болятъ кулаки жидовскіе". Но подъ этой странной наружностью скрывалась кроткая, добрая, незлобивая душа. Встрѣчаясь съ каждымъ, кто бы онъ ни былъ, Грицъ обыкновенно подавалъ руку, только не каждому одинаково: кому всю ладонь, иному одинъ или два пальца, а иному только протягивалъ руку и, не подавъ, отдергивалъ. Обычное его обращеніе ко всѣмъ было: „золотюсенькій" — эпитетъ, усвоенный потомъ современниками самому Грицю. Опредѣленныхъ занятій онъ не имѣлъ: въ праздничные дни онъ бывалъ въ церкви, гдѣ много ставилъ свѣчей, на

покупку которыхъ собиралъ деньги, приговаривая: „позычь на золото". Въ будніе дни онъ ходилъ обыкновенно по базару, раздавалъ встрѣчнымъ крестики, говорилъ инымъ замысловатыя фразы, смыслъ которыхъ былъ понятенъ немногимъ, или открывался только впослѣдствіи. Грицъ, обращаясь къ одному помѣщику, сказалъ: „для тебе у меня подарка нема, только знаю я, що заготовлена тебѣ велика бочка кипячоної смолы и повна мірка живыхъ червей". Другой разъ, бесѣдуя на базарѣ съ крестьянами, одному изъ нихъ какъ бы мимоходомъ замѣтилъ: „а тебе сегодня коза брикне", что вызвало смѣхъ въ окружающихъ. Но что-же?— этотъ человѣкъ, не доѣхавъ до дому, умеръ отъ удара. Подобныхъ случаевъ было очень много. Жизнь велъ Грицъ строгую, воздержанную, вина никогда не употреблялъ, а на колѣнѣ искусственно поддерживалъ рану, растравляя ее ѣдкими веществами. Эту рану онъ тщательно скрывалъ отъ всѣхъ и только разъ одному знакомому, случайно увидѣвшему ее, сказалъ, что она дорога ему,— „дороже милліона".

Успенская церковь въ г. Почепѣ.

Съ теченіемъ времени седневцы поняли, что Грицъ не дурачекъ, а Божій человѣкъ съ большимъ дальновиднымъ умомъ, наложившій на себя добровольно подвигъ юродства, и „золотюсенькій" Грицъ сдѣлался общимъ любимцемъ седневцевъ и дорогимъ гостемъ въ каждомъ домѣ. Его принимали у себя не только образованныя свѣтскія лица, но и духовныя: бывалъ онъ у Черниговскаго епископа Павла и Кіевскаго митрополита Филарета, которые бесѣдовали съ нимъ, дарили ему свои подрясники, но обыкновенно Грицъ отдавалъ ихъ бѣднякамъ, къ которымъ всегда относился съ особенной любовью и заботливостью. Знакомства съ Грицемъ добивались многіе, нерѣдко съ желаніемъ узнать отъ него какую-либо тайну, но онъ не

Вознесенская церковь въ г. Острѣ.

всѣхъ принималъ: одна знатная дама около двухъ часовъ простояла у дома, гдѣ онъ жилъ, ожидая пріема, но Гриць твердилъ одно: „нѣкогда мнѣ". Въ Седиевѣ, можно сказать, не было человѣка, которому Гриць такъ или иначе не предсказалъ-бы чего-либо знаменательнаго въ его жизни, хотя всѣ предсказанія его отличались таинственностью. Нѣкоторыя изъ нихъ касались событій общественной и государственной жизни. Такъ, въ 1852 году, когда о Крымской войнѣ не было и рѣчи, Гриць убралъ свой дворъ красными, бѣлыми и синими флагами, изображеніями человѣческихъ головъ, булавъ и т. п. На вопросъ остановившагося вблизи этого двора курьера: что это такое? народъ сказалъ: „это забава одного дурачка". „Напрасно вы такъ думаете,—сказалъ курьеръ,—это не забава, а дѣло серьезное, и человѣкъ, слывущій у васъ за дурачка,—не дурачекъ: это указаніе на войну, которая затѣвается съ турками,—я везу объ этомъ вѣсти". И дѣйствительно, въ скоромъ времени война была объявлена. Незадолго до смерти адмирала Корнилова, Гриць снялъ со

Вознесенская церковь въ г. Черниговѣ.

стѣны его портретъ и разбилъ вдребезги. На вопросъ, зачѣмъ онъ это сдѣлалъ, отвѣтилъ: „не нуженъ онъ болѣе". Предъ кончиною Императора Николая I, несмотря на то, что о болѣзни его не было и слуховъ, Грицъ неоднократно спрашивалъ: „чи здоровъ нашъ Государь?" Но не любилъ онъ, когда обращались къ нему съ вопросомъ о будущемъ: „почемъ я знаю,— обыкновенно говорилъ онъ въ такихъ случаяхъ,—чи я цыганъ, чи я жидъ". Предвидѣлъ Грицъ и день своей кончины, которой предсказалъ при слѣдующихъ обстоятельствахъ. Въ одномъ домѣ собралась седневская молодежь. Пришелъ сюда и Грицъ. Онъ схватилъ съ головы одной дѣвушки платокъ, а съ парня шапку, смялъ ихъ вмѣстѣ, бросилъ и тотчасъ же ушелъ. Что же случилось? Парень вскорѣ умеръ во время эпидеміи, а дѣвушка скончалась при слѣдующихъ обстоятельствахъ. Она была сговорена за одного изъ мо-

лодыхъ людей. Гриць сталъ убѣждать родителей ея не отдавать дочери замужъ. „Когда невѣстѣ исполнится 20 лѣтъ?"—спросилъ онъ у матери. Та отвѣтила: „18 марта". „Вотъ увидишь, сказалъ Гриць,—мы отдадимъ ее за великаго генерала". Слова эти мать приняла за шутку, но все-таки свадьба почему-то разстроилась. Спустя немного времени, Гриць, встрѣтившись съ этою дѣвушкою въ церкви, взялъ ее за руку и сказалъ: „кажется, Саша, намъ сей годъ пасха будетъ не въ модѣ". И дѣйствительно, эта дѣвица 18 марта, въ тотъ день, какъ ей исполнилось 20 лѣтъ, заболѣла и вскорѣ умерла. Да и самъ Гриць не дожилъ до пасхи. Незадолго до своей кончины онъ болѣе точно, хотя и прикровенно, опредѣлилъ время ея: „я скоро покачусь и на третьей верстѣ опухну",—сказалъ онъ окружавшимъ его. Несомнѣнно, этими словами онъ указывалъ на третью недѣлю великаго поста, на которой и умеръ. Скончался Гриць 22 февраля 1855 года и былъ погребенъ на погостѣ Воскресенской церкви 24 февраля. Едва ли когда бывало въ сельскомъ скромномъ храмѣ такое стеченіе народа, какъ въ день его погребенія. Массы народа пришли отдать послѣдній долгъ своему любимцу, прощались съ нимъ, какъ близкимъ, роднымъ человѣкомъ, хотя у Гриця никого изъ родныхъ не было.

Могила Гриця.

На могилѣ его положена плита съ слѣдующею надписью: „Здѣсь покоится прахъ добраго человѣка Григорія Мирошникова, умершаго 1855 года февраля 22 дня. Блажени нищіе духомъ, яко тѣхъ есть царство небесное".

Много лѣтъ прошло со времени смерти Гриця, но память о немъ живетъ среди седневцевъ до сихъ поръ; и старики, знавшіе Гриця, съ любовью передаютъ разсказы о немъ молодому поколѣнію.